

Я, Карпук Николай Андронович, 21.05.1964 г.р.,
противник:

17 марта 2014 г. был задержан Российской спецслужбой на гранической линии между Украиной и РФ. Совместно с Фурсом Вячеславом Степановичем и его водителем Чарлем на автомобиле "221-Мерседес С-500" мы следовали в г. Москву для проведения переговоров с руководством РФ. Встречу организовывал Фурса В.С. через своих знакомых, которых по словам Фурса именем звали с Третий секретарем Гутманом В.В. Моя поездка была одобрена руководством "Гражданского сектора" Украины, где и было принято решение о делегировании меня на эту встречу. После задержания на КПП российской границы, нас троих отправили в Брянское управление ФСБ, где содержали во временному изоляторе. Сюда сотрудники ФСБ провели несколько бесед, на которых мы высказались о цели нашей поездки. На одной из таких бесед присутствовал какой-то представитель АП России. 20 марта 2014 г. утром же в камере задержания сотрудники спецслужб, одели мне на руки и ноги цепи, погрузили в микроавтомобиле и увезли, ничего не обясняв. В ходе с 20 на 21 марта мы прибыли в управление СК России в г. Ессентуки. Сотрудник СК Курбаков М.А. заявил мне, что я задержан по подозрению в совершении преступлений на территории РФ в период с 1994 г. по 2001 г., за которые предусмотрено наказание по ст. 209, ч. 1, УК РФ. Мне обвинили в участии в боевых действиях в Чеченской Республике в этот период. Я был отправлен в ИВС г. Ессентуки. Вечером 21 марта мне заявили, что я отбываю "на этап". Мне забрали глаза человека, пакетами, перевязав его скотчем, затем погрузили в автомобиль и увезли в неизвестное направление.

Сколько времени мы ехали, сколько не могу. От фрезерного стамески скотчей у меня отмёхла голова и я плохо соображал. Через некоторое время меня высадили с автобуса и подняли на третий этаж какого то дома. Этапы я состоял позже по поворотам лестницы, по которой мы поднимались. Здесь меня встретила группа людей (сколько их было не знаю, поскольку глаза мои были завязаны и я не видел). Старший группы подвел меня к столу и рассказал мне, что со мной будут делать, чтобы я сознался в изнасилованных мне преступлениях. Он заявил, что сначала меня предадут пыткам электрическим током и таким способом его будут пропускать. Затем будут применены физические насилия, если эти методы не дадут желаемого результата - будет выкрадено моя жена и сыновья будут подвергнуты такому же насилию и всё равно выкнут меня сознаться в преступлениях. Я им заверил, что я не был в Чечне или восприняты не были. Руки мои были связаны за спиной наручниками. Мне связали верёвками ноги и руки, наручники сняли. Ко второму пальцу правой ноги и среднему пальцу правой руки присоединили клеммы. Затем ногами пропустили через меня электрический ток с разной продолжительностью: то в течение десятков секунд, то секундами, то продолжительное время. Сколько времени это продолжалось не знаю. Я ни в чём не сознавался, поскольку не принимал участия в боевых действиях. Во время проведения такого рода "дознаний" мне часто говорили: "Ты делаешь то-то", "Когда-то ты прибыл в Грозный и делал то-то и то-то", "С любой бывшей мати-юди" и подобные обвинения. Через определённое время пытки прекратились и мне сказали, что следующей костью должна беседа продолжаться. Меня привезли в ИВС, сняли повязку с глаз и провели в следственную Комната, где закрыли в зарешечном отсеке размером 1м x 1м. В этой клетке меня содержали 4 суток и не давали спать. В комнате постоянно находилось по окну конвоир, которые сидели за теми, чтобы я не спал. Я не знал где находусь. Думал, что в

в ИВС г. Ессентуки. И только 20 апреля от следователя Курбакова М.А. я узнал, что находусь в г. Владикавказе. Позже мне стало известно, что это ИВС-1, расположенный в г. Владикавказ, ул. Гумкинская, 10.

Через пытки электрическими у меня окончили пальцы рук. Я их поглощал чувствовал. Выбодили меня для этих "процедур" четыре ноги. Так пропускали через разные части тела: через всё тело, через сердце, через половые органы. Мне засовывали под ногти какие-то иглы, но я боли не чувствовал, наверное из-за того, что не ощущал пальцы рук. 25 марта меня в очередной раз привезли на "допрос". На этот раз мне не стали связывать ноги. Максим сказал, что они устали от моего упрямства и он дал команду схватить моего сына и превезти, чтобы на моих глазах подвергнуть его тем же пыткам. Он так же сказал, что приведут и жену, если получится. Но им будет достаточно и сына. Я заявил, чтобы не трогали сына и жену, я готов принять вину и подписать все необходимые документы. Максим попросил меня рассказать ему, мое сожаление. Я рассказал то, что услышал от них во время пыток. Что происходило дальше не знаю. У меня началась бред. Когда человек лежит сна, у него на 4-5 сутки наступает бред. Откуда я в камере ИВС. С утра 26 марта ко мне прибыл следователь Петров. С кем мы начали оформлять протокол допроса. Наиболее ужасительным было то, что мне пришлось самому давать показания. Когда были какие-то неточности, существенные отклонения в моих показаниях, поправки делались за счет того, что ко мне приходил Максим (при этом мне завязывали глаза, чтобы я не видел) и он указывал мне где я допустил "не верные" показания и объяснений. "Николай, - говорил он - или ты забыл, или специально вводишь в заблуждение следствие? Это происходило тогда-то. Там были такие-то люди." и т.п. Некоторые эпизоды в показаниях уточнял следователь Петров. Таким образом к концу марта мы завершили работу с следователем. Я понимал, что оговорил многих людей, своих друзей, товарищей. Когда я попал в камеру, я нашел ржавый гвоздь, заточил его о стеклу и хотел вскрыть себе горло. Я понимал, что выйти из сложившейся ситуации могу лишь минув седе этичи. Но в камере была недоступная видеокамера. Ко мне ворвались конво-

иры, которые следили за мной и задбали гвоздь, обвязками камеры и долго еще следили за моими действиями.

Не могу сказать иначе, что последствия применения электрического тока на моем здоровье. Максим мне сказал, что "печень и сердце" я уже посадил! Но я не ощущаю никаких проблем. Головы рук за три месяца восстановили свои функции. Долгое время у меня в носу стекала кровь. Она засыхала, вспалая нос. Но за 1,5 месяцев это прекратилось. Конечно, на моей совести имеется множество преступлений многих людей. Эти упреждения совести будут со мной до последних дней. Бывает же простят даже эти люди. Я делал это не по злому умыслу, а во имя защиты сына и жены.

Я знаю, что ФСБ России хорошо известно о том, что я не принимал участие в чеченской войне. С 2001 г. Прокуратура ЧР не раз направляла следственным органам Украины запросы на конкретных граждан Украины с просьбой предоставить доказание об их причастности к боевым действиям в Чеченской Республике. Каждый раз составлялся четкий список из одних и тех же людей. Меня, соответственно, в этих списках не было. Уголовное преследование меня - это месть за мои убеждения, за то, что я долгие годы своей жизни привык работать по созданию суверенного государства Украина. Сложность того бояло, заставить изложить своим убеждениям, оговорить людей и сидя... Я еще наставлять мне и другим членам УНА-УНСО несуществующим несуществовавших зверств по отношению к людям - эти действия нужны или для того, чтобы хотели как-то оправдать те преступления, которые были совершены на территории Чечни боевиками-западниками России.